

ТАТЯНА
ГАРМАШ-
РОФФЕ

ИСКУССТВО

ДЕТЕКТИВА

СЕРДЦЕ НЕ ОБМАНЕТ,
СЕРДЦЕ НЕ ПРЕДАСТ

Частный детектив Алексей Кисанов

Татьяна Гармаш-Роффе

**Сердце не обманет,
сердце не предаст**

«ЭКСМО»

2013

Гармаш-Роффе Т. В.

Сердце не обманет, сердце не предаст / Т. В. Гармаш-Роффе —
«Эксмо», 2013 — (Частный детектив Алексей Кисанов)

Никого нынче не удивишь убийством, замаскированным под самоубийство... Но частный сыщик Алексей Кисанов был весьма озадачен, услышав, что имеет дело с самоубийством, замаскированным под убийство. Погиб Михаил Козырев, уважаемый психиатр, – то ли сам выбросился в окно, то ли его толкнули. Впрочем, Алексей не сомневался – он быстро разберется с этим делом... И ошибся! Человек погиб, но кто-то продолжает преследовать его близких и знакомых: подвергается нападению сестра Михаила, затем ассистентка, клиентка психиатра жестоко избита и находится в коме. Алексей уже начал всерьез опасаться за собственную семью! Чехарда странных и опасных событий будет продолжаться до тех пор, пока детектив не узнает тайну серебряного сердечка со стразами, за которым идет настоящая охота...

© Гармаш-Роффе Т. В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Татьяна Гармаш-Роффе

Сердце не обманет, сердце не предаст

Глава 1

Воскресенье. Тунис

Получив ключ, мадам Пуарье вышла из холла ресепсьон и, осторожно переставляя трость, направилась по дорожке в сторону своего бунгало. Влажный и горячий воздух, пахнувший морем, лип к коже, чемодан погромыхивал колесиками на неровных плитках из ноздреватого желтого ракушечника. Навстречу ей в сторону ресторана текла пестрая толпа отдыхающих: священное время ужина наступило!

Мадам Пуарье тоже хотелось есть, и она прибавила шаг. Какой-то мужчина предложил ей помочь – вроде молодой, насколько видно в не слишком ярком свете фонарей. Хотя тут все молодые по сравнению с ней...

– О, вы так добры! – обрадовалась мадам Пуарье. – Я хожу медленно, отстала от группы, и багажисты уже разошлись с чемоданами...

– Вы бы попросили позвать!

– Да ничего, я и сама могу управиться... Знаете, мне восемьдесят девять лет, я давно путешествую одна, вдовой осталась...

Она засеменила к своему бунгало, опираясь на трость, за мужчиной, который помог ей отпереть дверь и вкатил ее нетяжелый чемодан вовнутрь.

– Я уже седьмой раз в этот отель приезжаю, и всегда в это время года, в сентябре, на три недели. У меня тут много друзей, мы общаемся, прекрасно проводим время...

Ей хотелось поговорить с ним, рассказать о своей жизни, но она знала: молодым неинтересно слушать стариков.

– Я могу вам еще чем-нибудь помочь, мадам? – спросил мужчина, которому явно не терпелось уйти.

– Что вы, что вы, я и так вам очень благодарна! Идите на ужин, идите.

Достав из чемодана нужные вещи, мадам Пуарье быстро переоделась: легкое светлое платье и кожаные сандалии лежали сверху, она их специально так положила, – опыт научил, ведь она и впрямь семь лет ездит в Тунис, и всегда в этот отель! Пригладив седые волосы перед зеркалом, она взяла трость и отправилась в ресторан. Там шумно и светло, и пахнет вкусно... Это был один из самых ее любимых моментов на отдыхе.

Ела мадам Пуарье неспешно, поглядывая на темную массу моря. Казалось, огромный черный зверь раскинулся за террасой ресторана и тихо дышал во сне, изредка причмокивая, как младенец...

Закончив свою трапезу одной из последних, старая женщина отправилась обратно в бунгало. Путь ее лежал мимо бассейна и бара, где уже играла музыка, зазывно кричали аниматоры в микрофоны. Люди пили и танцевали, смеялись. Хорошо-то как! Мадам Пуарье и сама бы посидела с ними, но перелет ее утомил... Старость обидна, даже оскорбительна, – она унижает человека, издевается над ним... Но ничего, ничего, – Оливия Пуарье с ней еще поборется! Она не намерена сдаваться, она еще поживет! Завтра обязательно примет участие во всей программе отеля с этими чудесными, задорными молодыми людьми – аниматорами! Но сегодня разумнее пораньше лечь, отдохнуть.

Несмотря на слабое освещение, она прекрасно ориентировалась в переплетении крошечных дорожек, на которые выходили двери многочисленных белых бунгало. Все-таки семь лет сюда ездит, уже как у себя дома. Вот и знакомый поворот, за ним дворик с пальмами, кустами олеандра и гибискуса, по сторонам от него ответвляются дорожки... Ей показалось, что до ее слуха донеслись далекие и дружные аплодисменты. Мадам Пуарье приостановилась, прислушалась с легкой завистью... А, нет, это пальма плещет плотными кожистыми листьями на легком ветру.

Мадам Пуарье кивнула ей, как старой знакомой, и двинулась дальше. Сейчас направо, и вуаля – ее бунгало! Мадам Пуарье заблаговременно вытащила карточку-ключ... И чуть не споткнулась обо что-то.

Опершись на трость, она наклонилась, не понимая, что это у нее под ногами... Свет тут неяркий, а зрение у нее не особо-то, в ее восемьдесят девя...

Разглядев, мадам Пуарье не устояла, осела на дорожку и закричала изо всех сил. Никогда в своей долгой жизни мадам Пуарье не видела ничего более страшного! На плитке из ракушечника, между упавшей тростью и ее левой ногой лежала... *рука!*

Женщина кричала, пока голос ее не сел и сама она не выбилась из сил, но никто ее не слышал. Со стороны бара неслась музыка, микрофоны усиливали голоса аниматоров – где уж тут услышать! – а мадам Пуарье все сидела на теплой дорожке, возле своей страшной находки, не в состоянии подняться и двинуться за помощью.

Когда, наконец, шум да гам у бара закончился и народ дружно направился в сторону амфитеатра на вечерний спектакль, одна молодая пара ее увидела, проходя мимо дворика. И бросилась к старой женщине, думая, что ей стало плохо и она упала.

– Нет, нет, мне не плохо, – проговорила мадам Пуарье. – Плохо вот ей... – и она указала дрожащим пальцем влево от себя.

Увидев на дорожке руку, молодые люди разразились восклицаниями, но мадам Пуарье настойчиво тыкала в кусты:

– Туда смотрите, туда, у этой руки есть хозяйка, вон она лежит, видите?

Прибежала администрация, приехали две машины полиции и карета «Скорой помощи». Женщину осторожно извлекли из кустов. Она оказалась жива (о, как этому обрадовалась добрая мадам Пуарье!), но без сознания: кто-то ее жестоко избил. Администрация в лице двух грузных мужчин мгновенно женщину опознала – не столько по заплывшему от побоев лицу, сколько по светлым длинным волосам, редким в этих местах: Ирина Липкина, русская, приехала два дня назад. Красивая женщина, и волосы роскошные... Непокрытые, конечно. Неудивительно, что с ней так обошлись. Скромнее женщине надо быть, тогда Аллах ее убережет.

Врачи уехали, увезя женщину в больницу, а полиция приступила к осмотру номера и расспросам. Отдыхающие уже прознали о происшествии и сбежались в холл ресепсьон, где мадам Пуарье, несмотря на усталость, выполняла свой гражданский долг и блистала в главной роли: именно она нашла тело! И так испереживалась, такого страху натерпелась, – в ее-то годы!

Все с сочувствием и любопытством смотрели на раздумывающуюся от такого внимания старушку, пара поддатых французов средних лет даже предложили ей выпить в баре у бассейна, полиция, однако, была крайне разочарована: никто не видел и не слышал, как напали на русскую. И что случилось, кто избил женщину до полусмерти да почему, вряд ли уже удастся узнать. Время ужина: все углы и закоулки пустеют, люди стекаются в ресторан, – на курорте зверский аппетит нагуливается в два счета... Время ужина в отеле – время мертвое.

Глава 2

Понедельник. Москва

...Только бы коснуться тебя! Прижаться, провести пальцами по теплой коже. Попробовать ее губами, языком...

Мне ведь так мало нужно, Миша! Мало, – большего все равно никогда не будет.

...Я пришла, Миша, чтобы сказать тебе...

Нет, зачем лишние слова? Он и так увидит, что я пришла. Надо начать прямо: «Миша, я люблю тебя. Я больше не могу это скрывать. Я хочу, чтобы ты знал: я люблю тебя!!!»

Он растеряется? Нет, вряд ли. Посмотрит на меня своими понимающими карими глазами и... Обнимет? Боже, сколько месяцев я вижу это во снах!

Или не обнимет... Скажет: женщинам часто кажется, что они влюблены в своих психологов, – такой вот феномен, Люба. Ты просто принимаешь привязанность и дружбу за любовь.

Он часто говорил об этом «феномене»: надеялся, что убережет нас от чувств к нему... Но все девчонки в него влюблены, и плевать им на «феномен»!

Они *влюблены*. Но одна я, только я люблю его по-настоящему! Он должен это понять!

Я не дам ему произнести свою коронную фразу. Я его просто поцелую. Ему ничего не останется, как ответить на мой поцелуй... Он ведь меня не оттолкнет, нет? Он не сможет... Он добрый...

Он меня не оттолкнет, а я буду его целовать так, что он почувствует... почувствует, что я женщина, влюбленная женщина, готовая на все... Пусть он меня не любит, – пусть лишь ответит на мой поцелуй! А потом, может, и...

Любе пришлось остановиться – у нее закружилась голова от тех сцен, которые теснились в ее воображении.

Миша, я ведь ничего не прошу взамен! Только позволь мне любить тебя, быть с тобой! Коснуться тебя, вдохнуть тебя...

Главное, помешать ему говорить. Иначе он скажет, что ему не дано любить – слышали, знаем! – и что он не имеет права пользоваться моими чувствами...

Если бы только можно было заклеить ему рот пластырем! Люба усмехнулась: тогда я не смогу его целовать.

Надо было раздобыть пистолет. И поцеловать его под дулом пистолета. Вот тогда бы он молчал!

Она горько улыбнулась своим мыслям. Все, что ей остается в этой жизни, – это вымогать любовь под дулом пистолета...

Она уже видела его дом. Еще несколько шагов, и показалось его окно. Открыто настежь – день сегодня солнечный, теплый, летний. Хотя к ночи станет холодно, все-таки календарь успел откусить первый кусок от сентября... Вон Мишин подъезд. Какая-то красивая блондинка вышла – не от Миши ли? Он не умеет любить, ладно, но секс... Нужен ведь ему секс? Есть ли у него партнерша? Это она вышла из подъезда?

Люба замерла. Почему-то раньше ей такая мысль не приходила в голову. Она точно знала: у Миши нет любимой женщины, – не только потому, что он сам так говорил, но и женским чутьем своим, обостренным и ревнивым, она это ощущала. Даже когда он ей рассказал об интересном знакомстве с одной известной журналисткой, она чувствовала: интерес Миши чисто интеллектуальный. А вот про секс почему-то никогда не думала... А вдруг... А если...

Зря она пришла. Не надо ничего Мише говорить. Ему не нужна Люба-Любовь. Ему не нужна любовь, а сексуальные потребности он удовлетворяет с какой-то другой женщиной. С блондинкой, к примеру, что вышла из его подъезда.

Миша, Мишенька... Саднит у меня душа, к тебе рвется... Но не нужна я тебе.

Больно-то как, Миша.

Слезы навернулись на глаза, затуманили мир. Люба бросила прощальный взгляд на окно Миши и уже было повернулась, чтобы уйти. Но тут же резко развернулась обратно, слезы ее мгновенно высохли, глаза широко раскрылись: там, из Мишиного окна, летит... падает что-то вдоль стены... Человек!!! Миша?!

Она кинулась к дому. Подбегая, услышала глухой стук тела о землю. Раздвинув кусты, она ринулась под их плотный свод. Черная водолазка... Темные прямые волосы... Мужчина лежал лицом вниз, примяв собой несколько веток, ноги подвернуты, из заднего кармана джинсов высовывается знакомый смартфон...

Миша.

Миша???

Опустившись на колени, Люба потянула мужчину за плечо на себя...

Лучше бы она этого не делала.

В разможенном лице невозможно было узнать никого, но она не сомневалась: это Миша. Это ее разбитая любовь. В самом прямом и страшном смысле этих слов.

Она отпустила плечо, и тело приняло прежнее положение.

Значит, он все-таки это сделал. Он не хотел жить. А она, идиотка, шла к нему, несла ему свою любовь. Разве нужна любовь человеку, которому не нужна жизнь?

Люба взяла его правую руку – левая оказалась под телом – и прижалась к ней губами. Ей сейчас хотелось окаменеть, превратиться в статую и сидеть так вечно, целуя его руку...

Кто-то резко выбежал из подъезда, хлопнув дверью, кто-то закричал: «Я видела, человек выпал из окна!» Послышался топот: к месту падения бежали люди.

Люба бережно опустила кисть Миши... И вдруг из его пальцев выскользнуло что-то серебристое, цепочка змейкой чиркнула по ее ладони и зацепилась за мизинец, – казалось, Миша вручил ей свой подарок, прощальный подарок! Она схватила маленький предмет, еще теплый, и быстро вынырнула из кустов с противоположной от подъезда стороны. Ей не хотелось присутствовать при оргии праздного соседского любопытства.

Ушла она никем не замеченной, унося в сердце горе, а в кулачке – маленькую серебристую вещицу, хранившую Мишино прикосновение.

Глава 3

Пятница. Москва

Веер остроконечных лучей врезался в щель между тучами, и сразу ярко вспыхнула желтизна в длинных прядях берез – так сверкают седые нити в смоляных волосах цыганки. Березы полны спокойствия и величия, несмотря на то что пришло время умирать. Они похожи на девственниц, которых древнее племя приносит в жертву своему богу. Этот бог жесток. Он оголит их стройные белые тела, будет хлестать дождем, бить их морозом и выгой. Но березы знают: это их высокая миссия. Жертва не напрасна: их вознаградят новым рождением. Так бывает каждый год.

Мы, люди, тоже знаем, что сентябрь на дворе. Но живем так, будто осень начнется еще не скоро, а зима вообще не придет. Мы еще пытаемся загорать на слабеющем осеннем солнце, мы еще не убрали на дальние полки летние одежки. Мы не готовимся к предстоящему, – мы ловим уходящее. И потому зима станет для нас в очередной раз неожиданностью – вот уж в самом деле как снег на голову. И будем мерзнуть, поскальзываться, проклинать зиму и звать весну. И с изумлением взирать на белые тела берез, схваченных ледяным холодом, удивляясь их смирению и величию...

Александра посматривала в окно, на небольшой сквер, раскинувшийся между домами, и набрасывала текст для очередной статьи. Сроки уже поджимали, но она никак не могла ее закончить. Материала она собрала предостаточно, да и тема не новая: причины самоубийств. Она прочитала множество умных рассуждений социологов, психологов, но имелся в этой проблеме один странный аспект, формулировка которого ей никак не давалась. Да и как объяснить склонность человеческого сознания верить в чудеса и игнорировать реальность?

Вот так, бросаясь с крыши, подростки не верят, что умрут. Они жаждут отомстить слишком суровым родителям или предмету своей первой неразделенной любви, видя себя (после смерти) в центре внимания тех, кому предназначен их жест. Но все это представляется подросткам, будто в кино, – словно они еще будут живы и сумеют насладиться чувством вины и сожалениями своих обидчиков... Александра с болью думала о том, как мгновенно взростеют эти дети в последние секунды своей жизни, в те секунды, когда уже поздно, когда ничего не исправить, когда приближается убийственный асфальт или затягивается смертельная петля, – и они вдруг отчетливо понимают: все по-настоящему...

И даже взрослые люди, взбираясь на табуретку, накидывая на шею петлю, не понимают, что жест их *необратим*. Сколько исповедей спасенных самоубийц Александра прочитала, и во всех (за редким исключением) одно и то же: человек хотел прокричать своим жестом, что ему плохо... и делал себе еще хуже. И сколько душераздирающих криков «спасите, доктор, спасите меня!» слышала она в больнице, куда привозили самоубийц, еще живых... Иные умирали у нее на глазах – с каждым уходящим вздохом моля врачей о помощи, которую уже никто не мог им оказать. А Александре хотелось кричать: о чем ты думал (думала) раньше? Что, травясь серной кислотой, выживешь? Просто накажешь близких за невнимание? А они поймут, расскаются, и вы будете жить долго и счастливо? Увы, ты – нет. Потому что тебя уже нет...

Парадокс: у нас множество знаний, но они не удерживаются в мозгу. Знание – это начало мысли, а мысли утомляют. Поэтому мы всё знаем, – но живем так, будто не знаем. И все время удивляемся. «О, как ты вырос!» – мы потрясены, хотя нам отлично известно, что дети растут, еще с тех пор, как росли мы сами и взрослые донимали нас подобными нудными восклицаниями. «Ой, как он постарел!» – поражаемся мы, увидев знакомого актера на экране. А ты сам – нет, что ли? Ты постарел, все постарели. Но куда там, – удивляемся. Снегу зимой и жаре летом. Ангине после мороженого и похмелью после попойки. Всему. Потому что знание не работает,

мысль не работает. Зато верим гадалкам. В кофейную гущу и в черную кошку. Опустевшее место для знаний зарастает в мозгу бурьяном суеверий.

Что это за феномен такой? Как его описать, объяснить? Нужны простые слова, но они никак не давались Александре. И она смотрела в окно на березы, будто прося у них помощи. Хорошо хоть утро сегодня выдалось спокойное, и ничто не мешает ей работать...

Алексей Кисанов, частный детектив, тоже радовался, что утро выдалось спокойным. Жена работала над новой статьей, малыши – их двойняшки, Лиза и Кирюша – гуляли с няней, а сам он долго обсуждал со своим старшим сыном (внебрачным, точнее добрачным) Романом по скайпу идею, которая обоим пришла в голову почти одновременно. Дело в том, что, страстный любитель джаза, Алексей пристрастил к нему и сына, и вот пару дней назад каждого из них спонтанно осенила мысль: было бы еще лучше «медитировать» под джаз, когда играешь сам... Ну, к примеру, на саксофоне.

– Вот, па, я нашел объявления. Есть частный учитель, который обещает быстрое обучение... не знаю, верить ему или это так, для заманки? Есть курсы для детей и начинающих взрослых при музыкальных школах. В общем, предложений уйма. Но я вот о чем подумал: было бы классно ходить на уроки вместе...

Роман сделал паузу, ожидая ответа. Они, отец и сын, не так давно узнали о существовании друг друга, и знакомство их началось, мягко говоря, не лучшим образом. Все утряслось, к счастью, и взаимное прощение поставило точку в той трудной истории¹. Но отношения их были все еще новыми и свежими, и каждый вел себя с осторожностью и бережностью, боясь что-нибудь невзначай испортить... Так обращаются с дорогим и хрупким подарком.

– Конечно, – согласился Алексей. – Нужно выбрать курсы в таком месте, куда от тебя и от меня удобно добираться.

– Вот, – в голосе молодого человека слышалось удовлетворение, – я об этом тоже подумал и нашел четыре таких точки...

Роман принялся диктовать адреса, но детективу дослушать его не удалось: жена отвлекла.

– Алеша, – отвела она мобильник от уха, – у меня на связи девушка, которая знает, что мой муж – частный детектив, и умоляет тебя взяться за расследование одного путаного дела... Возьмешься?

– Не услышав сути? – удивился Алексей.

– Я тебя прошу. Пожалуйста, скажи «да». Я потом все объясню.

И детектив сказал «да».

Отключившись, она посмотрела на мужа с тем выражением, которое Алексей без труда расшифровывал как «всё очень сложно».

– Начни уж с чего-нибудь, – подбодрил он Александру.

– Погиб один молодой мужчина... Полиция считает, что это убийство. Но Люба...

– Которая тебе звонила?

– Она самая.

– Его подружка?

– Нет, не думаю... Люба убеждена, что это самоубийство. Замаскированное под убийство.

– Погоди-погоди... Как это? Обычно **убийство маскируют под самоубийство**, а не наоборот! Но ты мне говоришь, что...

---

¹ См. роман Т. Гармаш-Роффе «Расколотый мир», издательство «Эксмо».

– Да, именно так. Этот парень – психиатр, который вел работу с самоубийцами и с наркоманами. Теперь полиция считает, будто его убил кто-то из группы наркоманов с целью ограбления. Но Люба убеждена: он сам ушел из жизни.

– На чем основывается ее мнение?

– Он вроде бы давно хотел это сделать. Но не мог: жалел родителей, особенно мать. Самоубийство вызовет у нее чувство вины, будто она что-то недодала сыну. Кроме того, его родители – верующие, они бы не простили сыну подобного жеста. Его ведь отказались бы отпевать в церкви... Поэтому Михаил – так этого парня звали – предпочел обставить самоубийство как убийство. Так считает Люба.

– Ничего себе! Такого у меня еще не было.

– Люба – его правая рука в работе. И теперь она в панике: полиция трясет пациентов Михаила, особенно наркоманов. Тогда как они, по ее словам, чуть ли не молились на него... Никогда бы не подняли руку на своего учителя-спасителя.

– Ее мнению можно доверять, на твой взгляд?

– Понятия не имею. Я с ней не знакома.

– Так почему она позвонила тебе?

– Слушай. Ты помнишь, в последнее время я собирала материал о самоубийцах для большой статьи. О них немало написано в психологической литературе, но ты меня знаешь: я не люблю опираться на чужие мнения...

О да, Алексей хорошо знал свою жену: она не поддается влиянию никаких устоявшихся клише, предпочитая иметь собственное суждение о предмете. Для чего, понятно, предмет следует изучить. Она серьезная журналистка и, по ее собственному выражению, «отвечает за каждое свое слово».

Статистика свидетельствовала об учащении суицидов, и Александра не могла не обратить на этот факт внимания. Казалось бы, никакой загадки здесь нет: раз люди предпочитают смерть, значит, им плохо жить и они сделали свой выбор. Причем добровольный. Но это казалось только на первый, поверхностный взгляд, который Александру никогда не устраивал. И она взялась исследовать проблему.

На второй взгляд суицид – это крик о помощи. Это крик боли, адресованный окружающим. Исключением являются, пожалуй, пожилые люди. Они не только осознают необратимость своего жеста, но на него и рассчитывают. Они уже видели смерть близких, – они знают, что взяли билет в один конец. Но одиночество вкупе с физическими страданиями иной раз совершенно невыносимы, и люди сознательно выбирают этот путь.

И это тоже нетрудно понять.

Вдумываясь в проблему, Александра нащупала еще один аспект, тот самый, который пока не могла хорошенько сформулировать: о склонности человеческого сознания верить в чудеса и игнорировать реальность.

Но вот что ей никак не удавалось постичь, это самоубийства от одиночества взрослых людей, полных сил. Почему их мучает одиночество? Почему молодой, здоровый человек чувствует себя отверженным? Не уверен в себе? Так найди книжки, их миллион, почитай, воплоти советы в жизнь! Не вышел лицом? Так подойди к зеркалу, присмотришься: так ли уж фатально все? Может, надо просто сходить в спортзал? Или приобрести навыки здорового питания (и вес лишний уйдет, и кожа станет лучше)... Или просто немножко макияжа использовать, изменить прическу? Или всего лишь почаще мыться, а?

Александра казалось, что всё в руках у этих людей – стоит только оторвать филейную часть от стула! – а они почему-то сидят и ноют, себя жалеют... и кончают, в итоге, жизнь самоубийством.

Она долго искала ответ на этот вопрос, снова читала сайты, где обсуждались проблемы и причины суицида, – и не находила. Все описываемые проблемы решались, с ее точки зрения, простым постулатом: действуй!

Но люди не действовали. Люди предпочитали уйти из жизни. Нередко выбирая для этого весьма болезненные способы... И Александра снова и снова задавала себе вопрос: почему???

Однажды она наткнулась на блог под псевдонимом «Микаэль», который ее ошеломил. Там был опубликован один-единственный короткий пост под названием «Дайте мне хоть одну причину жить». Выглядел он так:

«Я отбываю жизнь как повинность. Я не люблю ее. Мне скучно. И это очень утомительно. Я устал. Я хочу уйти. Дайте мне хоть одну причину жить, – может, я что-то не разглядел?»

Комментариев же накопилось почти две тысячи. Микаэль отвечал почти на все.

– *Единственное, что вас спасет, – это любовь, – писала некая fortuna.*

– *Я не умею любить, – отвечал автор блога. – Я забочусь о своих близких, но я никого не люблю.*

– *Просто вам не встретилась настоящая любовь, – настаивала девушка.*

– *Я ее никогда не встречу. Я ее не жду, она мне не нужна. Я не умею любить. У меня неправильные гены.*

– *Парень, у тебя наверняка проблемы с сексом, – писал некто под ником «temnota». – Ты просто полчишься, и тогда узнаешь, зачем жить, гы.*

– *Гы, у меня проблем с сексом нет, – отвечал Микаэль, – а может, и есть, но такая, которая называется гиперсексуальность. Я все время хочу секса, но это скучно. Все равно как все время хотеть жрать. Замаешься.*

– *Уважаемый Микаэль, – писала Муза, – я, конечно, не специалист в области таких вещей, как желание смерти. Но мне кажется, что вы просто не нашли дела по душе. Такого дела, ради которого стоит жить! Когда думаешь о нем днем и ночью, когда прямо руки чешутся от желания воплотить новый замысел! Я вот недавно начала писать рассказы, и, знаете, моя жизнь так сильно изменилась! Я тоже страдала от одиночества и тоже подумывала о самоубийстве, но теперь я поняла, в чем мое призвание! И я хочу жить, хочу творить! И вам, дорогой Микаэль, нужно просто найти себя! Свою творческую жилку!*

– *Милая Муза, – отвечал Микаэль, – я не хочу раскрывать свое инкогнито, но, поверьте на слово, я не страдаю ни от одиночества, ни от нереализованности. У меня очень интересная профессия... Интересная с точки зрения общества. Я приношу пользу людям и вполне мог бы чувствовать себя «вторым после бога»... Но у меня нет амбиций, я не тщеславен, да и сердоболен тоже в меру.*

– *«Вторым после бога»? Я слышала это выражение... Вы – врач, да?*

– *Допустим.*

– *Но как же вы можете, Микаэль, не гордиться своей профессией? Вы ведь спасаете людей!*

– *Возможно, именно поэтому я еще не покинул этот бренный мир. Мне жить невероятно скучно, но хоть другим польза есть...*

В блоге имелось еще немало комментариев от девушек, которые пытались завязать отношения с автором, – он им представлялся этаким Печориным, романтическим героем, уставшим от жизни, но будто бы не совсем всерьез... Не до такой же степени, чтобы и впрямь покончить

с собой! При этом Микаэль был стойко любезен, хоть и уклончив; всегда отвечал на комментарии, что разогревало надежду на более близкое знакомство, и девушки охотно поддавались обаянию его загадочной личности.

Однако Микаэль вежливо и аккуратно, никого не обижая, уклонялся от всех явных и скрытых предложений познакомиться поближе. Хоть Александре он и показался изрядным позером, но в одном он, по крайней мере, не солгал: этот блог не служил приманкой для чувствительных девиц.

По мере чтения диалогов Александра все отчетливей понимала, к чему Микаэль клонит: любовь к жизни (соответственно, и к людям) попросту не заложена в его генах, – этакий сбой природы. Что ему ни скажи, ни предложи, всё ему скучно и неинтересно. А виноваты в этом – гены!

Александра не выдержала и написала Микаэлю в личный ящик.

«Мне кажется, что в Ваших словах есть изрядная доля игры, даже кокетства. Я не верю Вам, простите.

Я не поставила вопросительный знак, но все же рассчитываю на Ваш ответ. Он для меня важен. Я журналистка, исследую проблему суицидов.

Александра Касьянова».

Ответ не заставил себя ждать:

«Почитал о Вас в Интернете. Впечатлен. Судовольствием отвечу Вам, но сначала хочу заручиться Вашим обещанием полученную информацию не разглашать».

Александра тут же отбила:

«Можете на меня положиться».

«Спасибо, – ответил Микаэль. – Вы правы, в моих словах есть доля игры. Насчет кокетства не знаю, я в этом деле не силен. Я психиатр, занимаюсь проблемами суицидов среди молодежи. Этот блог важен для меня: таким образом я пытаюсь узнать мнение молодых же людей, их ценности, их взгляды и советы. Возможно, они мне пригодятся для работы с моей группой потенциальных самоубийц.

С уважением, Михаил Козырев».

– Мы с ним обменялись еще несколькими письмами. Он сказал, что в блоге говорил почти правду. Он действительно не ощущает радости жизни и потому заполнил ее работой. Но работа – это умственная цель, а не чувственная. Природа подкачала, не дала ему способность ни любить, ни увлекаться, и он вынужден сам продвигать себя по жизни усилием мысли – как барон Мюнхгаузен, сам себя тащить за волосы из болота, – формулировать себе новые задачи, ради которых стоит жить... Как-то так.

– И ты ему легко поверила?

– Не сказать, чтоб легко... Но, Алеша, есть такие вещи, как стиль, как выбор слов, как синтаксис... Они не лгут. А когда лжет их автор, они его выдают.

– Да отчего же ему не жилось?!

– Михаил заверял меня, что ему в самом деле не дано чувство любви, и объяснял это генами. В одном его письме... погоди, лучше я тебе зачитаю... Ага, вот оно, слушай!

«Мы судим по себе, и на этом основании предъявляем требования к другим, – катастрофически не понимая, насколько мы разные. Наша разность определена сочетанием генов, и судить людей, не похожих на нас, не следует! Как можно упрекать кого-то в отсутствии дара самоанализа – дара, который мог бы вывести потенциального самоубийцу к пониманию его проблем, – если этот дар ему не дан природой? Как можно вменять в вину низкую энергетику, если природа не наградила человека сильной? Надеюсь, Вы согласны со мной... И тогда поймете, что бесполезно пропагандировать радости жизни человеку, которого на генном уровне обделили этой способностью – ощущать радость. Человеку, которому не по вос-

питанию, не по мировоззрению, а просто по прихоти природы не дано любить то, что любят остальные...»

– И ты решила на основании этого текста...

– Что он не лгал. Подобный текст ни один лгун не в состоянии придумать. И, главное, лгуну незачем. Это выстраданное.

– Итак, у нас мужик, который был действительно готов покончить с собой, да?

– Готов или нет, но подумывал об этом.

– Однако девушка Люба считает, что Михаил так-таки привел в исполнение свое намерение... И теперь у меня труп.

Александра лишь пожала плечами, подтверждая очевидное.

Встречу назначили на Смоленке, в трехкомнатной квартире в доме, построенном архитектором Жолтовским, где Алексей жил с рождения. Теперь, когда они с Александрой купили новое жилье ради детей, он сохранил там одну из комнат в качестве рабочего кабинета и офиса для приема клиентов. В другой комнате обитал Игорь, его ассистент: жилье являлось частью оплаты за его труды. Ну и третья, спальня Алексея, оставалась в неприкосновенности, – ему нередко случалось ночевать на рабочем месте.

Александра, в ожидании Любы, приготовила кофе. Этот напиток являлся лучшим и бесменным топливом для сыщицкого мотора... организма, то есть. В последнее время в прессе стали писать, что кофе весьма полезен для здоровья, и Алексей Кисанов чрезвычайно радовался новым веяниям в медицине, а то раньше всё утверждали, что кофе вреден... Да как же без него?!

Аппарат «эспрессо» как раз выдал третью чашку, по числу присутствующих, когда прозвенел дверной звонок.

Люба оказалась невысокой невзрачной девушкой, возраст которой сыщик не смог бы точно определить: что-то между двадцатью и тридцатью годами. Треугольное личико – острые скулы и подбородок; глубоко посаженные серые глаза; темно-русые волосы, перышками торчащие в стороны: стрижка вроде и модная, да волосики жидковаты. Джинсы ее провисали там, где положено быть ягодицам; маечка не круглилась там, где положено быть груди. В театре она бы запросто получила роль трагистки – играла бы хулиганистого пацана.

Люба с порога протянула маленькую ладошку всем по очереди, и пожатие ее оказалось неожиданно крепким и энергичным. Александре подумалось, что жест отрепетированный: мол, не смотрите что я мелкая, – я сильная! Такой жест часто встречается у мужчин с комплексами по поводу своего роста или телосложения, иначе говоря, у тшедушных.

– У меня вот какой вопрос, Алексей Андреевич, – деловито приступила она к беседе, пройдя в кабинет, – а почему вы сказали, что хотите узнать от меня о выводах полиции? Вы ведь частный детектив, неужели у вас нет возможности узнать напрямую, от самих полицейских?

– Неожиданный вопрос. В принципе, возможность такая есть. Но сначала я хочу получить информацию от вас, Люба, из первых рук. Ведь вы теперь моя клиентка.

Сказать по правде, детектив немножко sluкавил. Делом занимались наверняка районные, а у него хоть и были отличные связи, но на Петровке, где когда-то работал он сам. Пока что Алексей даже не знал, о каком отделении идет речь, что там за люди работают, легко ли будет ознакомиться с делом, если понадобится. А вот понадобится ли, – именно это он и собирался сейчас выяснить.

– Или у вас какие-то возражения? – спросил он Любу.

– Нет... Но в полиции знают больше... Они вряд ли мне всё рассказали.

– Не беспокойтесь об этом.

– А вы... Вы сказали, что я ваша клиентка... Надо бы узнать сначала, сколько это будет стоить!

Она покраснела.

Александра, бросив взгляд на мужа, вмешалась:

– Нисколько, Люба. Вы знаете, что я общалась с Михаилом, поэтому вы мне и позвонили. Можно, пожалуй, сказать, что мы с ним были виртуальными друзьями... И Алексей Андреевич взялся за расследование по моей просьбе.

– А, ну тогда... ну, хорошо. Спасибо.

«Ну, тогда хорошо, спасибо». Кому хорошо, кому и не особо, по правде говоря. Алексей не так уж редко брался за бесплатное расследование, иной раз вопрос стоял устрашающе примитивно: жизнь или смерть, – отчего и не вмешаться он не мог. Иначе бы ощущал себя пособником убийцы. Однако люди, для которых он работал бесплатно, редко понимали, что он не просто берется за некое *дополнительное* расследование, нет! Оно требует больших затрат по времени и по силам, отчего детективу приходилось отказываться от другого расследования, за гонорар. За деньги, которые нужны его семье. Это серьезная жертва!

Его злило, когда люди этого не понимали.

Ладно, сказал он себе, в конце концов, тут задача простая: установить, убийство это или самоубийство. О большем его никто не просил. Так что незачем дергаться: с этим он разберется быстро!

Когда все расселись в кабинете Алексея – Люба от кофе отказалась, согласилась лишь на стакан газированной воды, – детектив попросил ее изложить суть дела как можно подробнее.

– Ну, в общем, – Люба отпила из стакана, – Миша покончил жизнь самоубийством... как и намеревался. Он выбросился из окна своей квартиры на седьмом этаже. А полиция не верит! Они считают, что его кто-то толкнул, хотя никаких следов постороннего в квартире нет, по их же словам...

Вопрос-ответ, слово за слово, – и Алексей выяснил все, что знала и домысливала Люба.

Итак, три дня назад Михаил Козырев, довольно известный психиатр, выпал из окна своей квартиры. Свидетелей не нашлось – таких, которые увидели бы кого-то постороннего в открытом окне. Следов взлома двери нет. Равно как и предсмертной записки.

– Почему вы обратились ко мне только три дня спустя?

– Думала, полиция поймет, что это самоубийство. Но они стали трясти наших ребят, из группы нарков...

Наркоманов, понял Алексей.

– ...особенно Олега, их старосту. А у него алиби есть, между прочим! Он на работе в это время был! Но кто-то из соседей описал похожего на него человека, который выбежал из подъезда вскоре после падения Миши... Хотя описание такое поверхностное, что даже фоторобот в полиции составить не смогли, сразу на наркоманов все повесили. На них ведь проще свалить, вы же понимаете! Даже если они бывшие... А из подъезда еще блондинка выходила, так полиция в ее сторону не копает!

– Откуда вы про блондинку знаете?

– Я? В полиции слышала... Да какая разница, кто из подъезда выходил! – вдруг сорвалась Люба. – Миша сам выбросился из окна, понимаете? Сам!

Ну что ж, девушка права: кто вышел из подъезда и когда, Алексея Кисанова не касается, коль скоро Люба не просит найти убийцу Козырева. Она просит доказать, что это суицид. Чем и займемся безотлагательно, решил детектив.

Ключи от квартиры Козырева имелись у Любы, и они – Алексей с Александрой и Игорем, ассистентом, и сама Люба, разумеется – час с небольшим спустя были под дверью квартиры, почему-то не опечатанной, где Михаил проживал.

– Я не предупредила, извините... В квартире беспорядок.

С этими словами девушка повернула ключ и распахнула дверь. Алексей Кисанов вошел первым и встал на пороге большой комнаты, преградив рукой доступ остальным.

– Батюшки... Это не беспорядок, Люба. Здесь был обыск. Вы в курсе, что полиция тут искала?

– Не полиция, нет... Так здесь все было, когда она приехала.

– В таком случае, кто-то обыскивал квартиру Козырева. И вы, несмотря на это, считаете, что он бросился из окна сам?

– Миша создал видимость обыска... чтобы все подумали на нападение... Из-за родителей, я говорила Александре...

– Кто вызвал полицию?

– Соседи. А мне полицейские позвонили первой, так как мой входящий был последним в его сотовом. Мы говорили по делу.

– Почему же не родителям?

– Они в Новосибирске живут.

– Братьев, сестер у него нет?

– Он никогда о них не говорил. Видимо, нет.

– А женщины? Жены, любовницы?

– Нет.

Александра тронула мужа за плечо.

– Алеш, я ведь тебе рассказывала о нем: он никого не лю...

– Да помню, я помню! – раздражился Алексей. Не верил он в такую байку, что человеку любить не дано. Пусть не какая-то там «высокая любовь» – да и что она собой представляет? – но человеку нужна близкая душа. Вот ему, к примеру, нужна Александра. Она и есть близкая душа, – без нее Алексею было бы очень неуютно на этом свете... Высокая ли это любовь или шкурная потребность, – в такие вопросы он не вдавался, полагая их бессмысленными. Да и вообще, шкурная потребность надежнее.

– Люба, а почему вы так уверены насчет женщины? Вы ведь сюда только приходили, но не жили, и знать не можете, как проводил Михаил время, свободное от вашей с ним работы. Или вы сами имели с ним какие-то...

– Мы товарищи! – осадила детектива девушка. – Занимались одним делом. Я староста группы суицидников, но помогала Мише и во второй группе, нарков. Между ними ведь много общего, потому что в обоих случаях это уход от жизни... Мы с Мишей почти всегда работали вместе!

Алексею показалось, что Люба говорит неправду. Что ее чувства к Михаилу были куда более сильными, чем простое товарищество. Но пока он не видел причин вдаваться в этот вопрос.

– Стало быть, этот тарарам кто-то учинил до прихода полиции?

– Повторяю вам, это сделал сам Михаил! Чтобы навести на мысль об убийстве!

– Хм. А в его машине что?

– У Миши нет машины. Он не хотел время в пробках терять, пользовался городским транспортом. Или такси, если необходимость возникала.

Алексей обернулся к остальным:

– Вон диван, видите? Садитесь все туда. Люба, вы тоже.

Он пропустил вперед себя всю компанию, дождался, пока они разместились на трехместном диване из коричневой лакированной кожи.

– Пожалуйста, не двигайтесь и ничего не трогайте. Я сейчас.

Алексей наведлся в соседнюю комнату – в квартире их имелось две. Эта была поменьше и явно служила спальней. В ней тоже царил беспорядок – тот, что бывает после обыска. Затем заглянул на кухню, в ванную. Однако никаких следов проживания в этой квартире женщины он не обнаружил. Ни крема, ни халатика. Похоже, Люба права.

Детектив вернулся в большую комнату и встал посредине, осматриваясь. Шкаф с книгами (почти целиком вываленными на пол), диван, компьютерный стол, – обеденного не наблюдалось, приемов Козырев явно не устраивал. На верхней полке рабочего стола несколько фотографий.

– Это Михаил? – Алексей указал на одну из них.

– Он.

Темноглазый брюнет; обаятельная, открытая улыбка человека, которого судьба баловала. На всех снимках он в компании разных людей. Одна фотография с родителями, судя по всему. Еще одна с какой-то женщиной, которую он обнимает за плечи. Остальные фото групповые.

– Кто это? – детектив взял в руки фотографию с женщиной.

– Не знаю. Я никогда не спрашивала. Я даже их не рассматривала.

– Чем Михаил зарабатывал на жизнь?

– За обе группы ему платили мало, практически все уходило на аренду помещения.

– Кто платил?

– Спонсоры.

...Значит, если Козырева все же убили, то придется убийцу искать еще среди спонсоров...

– На что же он жил?

– У него кабинет. Он ведет частные приемы как психолог.

– Но ведь он психиатр?

– Люди не идут к *психиатру*, иначе их будут считать сумасшедшими. Но к *психологу* они обращаются охотно. Мишу клиенты любили.

...Значит, если его все же убили, то придется убийцу искать еще среди клиентов...

Впрочем, это детектив машинально размышляет, инерция профессии. А Люба, – напомнил он себе в очередной раз, – отнюдь не просит его искать убийцу. Она просит доказать, что это самоубийство!

– Расскажите, Люба, что вы увидели здесь, когда приехали.

– Все было примерно так же, как сейчас.

– Полиция ничего не трогала, не меняла?

– По-моему, нет. Они только фотографировали и осторожно переступали через разбросанные вещи.

Значит, квартира в относительно первозданном виде, обрадовался сыщик.

– Что вы слышали? О чем они говорили?

Люба задумалась, вспоминая.

– Когда я приехала – а это почти час спустя после смерти Миши, – его тело уже увезли.

И осмотр квартиры они уже заканчивали. Меня сразу предупредили, что попросят съездить в морг на опознание...

– А родителей вызвали?

– Не знаю. Мне не говорили.

– Странно, что за эти три дня они сами не попросили вас о встрече.

– Зачем им?

– Сын погиб, да еще при загадочных обстоятельствах. Мне кажется, что в такой ситуации было бы естественным желание поговорить с его ближайшими друзьями...

Люба безразлично пожала плечами.

– Вы в морг съездили? – вернулся к теме Алексей.

– Да, потом. И, знаете... это было... Миша упал лицом вниз, от него ничего не осталось... от лица. Но я его все равно узнала.

– Простите.

– А сначала они меня провели в квартиру... Спрашивали, у кого есть ключи... Потому что следов взлома не обнаружили. Я им ответила, что вряд ли стоит искать убийцу: Миша покончил с собой. Но они мне не поверили, как видите.

– А ключи у кого-то имелись, кроме вас?

– По моим сведениям, нет.

– Значит, Михаил сам открыл дверь убийце, потому что его знал! – подал реплику Игорь.

– Погоди, – обернулся к нему детектив. – Версии потом, сначала факты. Люба, продолжайте.

– Они попросили посмотреть, что пропало...

– А вы настолько хорошо знаете квартиру Михаила, что можете определить?

– То, что на виду, – да, хорошо. Я здесь часто бывала. Да и ребята из групп нередко приходили, Миша всем помогал, со всеми дружил. Он считал, что это залог их окончательного выздоровления.

М-да, похоже, у парня и впрямь не было личной жизни – иначе бы разве ходили сюда постоянно его питомцы?

– В беспорядке было трудно разобраться, да и ценностей никаких у Миши не имелось. Он считал, что вещи привязывают... связывают человека. И что не стоит ими обзаводиться, чтобы всегда была возможность **уйти налегке**, с одной дорожной сумкой.

– Это его выражение?

Люба кивнула.

– Но бытовая техника, мебель здесь хорошего качества, немалых денег стоит.

– Это комфорт. Человеку должно быть удобно и приятно жить в доме. Любовь к дому – часть любви к себе... это тоже Миша говорил. Позаботьтесь сначала о своем теле, потом об одежде, затем о доме, потому что он – род вашей одежды... Этого понимания не хватает ребятам, которые обращаются к нам... да и вообще многим людям. Но таких ценностей, которые можно унести – золото, дорогие безделушки, не знаю, – у него не водилось. Он не любил. В общем, я не заметила, чтобы что-то исчезло, – добавила она. – Красть у Миши нечего. *Он ушел налегке.*

– ...с одной дорожной сумкой... – задумчиво повторил детектив. – Интересно, зачем тут чемодан?

– Где?

Детектив указал на кресло из черной кожи, рядом с которым, сливаясь с ним цветом, стоял довольно большой черный же чемодан, неприметный в царящем бардаке.

– Не знаю... Я его не видела!

Люба поднялась с дивана и двинулась в сторону чемодана, вытягивая шею, чтобы получше его рассмотреть, но Алексей ее остановил – опасался, что она сместит что-нибудь в окружающем беспорядке. Мало ли, вдруг в нем откроется какой-то смысл?

– Не видели – в прошлый раз?

– Может, не заметила... Как сейчас.

– Михаил куда-то собирался? Не налегке? – проговорил Игорь.

– Думаю, что чемодан появился здесь уже после ухода полиции. Иначе бы менты прихватили его с собой для изучения содержимого. Или хотя бы открыли.

– Но кто же мог сюда... – поразилась Люба.

– И дверь не опечатана, – не слушая ее, проговорил детектив. – Либо полицейские забыли, что маловероятно, либо печать кто-то снял... Любопытно, смотрите: на ручке ярлык компании «Эр Франс», аэропорт Шарль де Голль.

Алексей наклонился. Чемодан был закрыт на кодовый замок. На ярлыке аэропорта проставлена дата – сегодняшняя. Стало быть, надо ждать сюрпризов!

Что ж, прекрасно. Подождем.

В глазах присутствующих стоял невысказанный вопрос, но Алексей не хотел комментировать вслух свое открытие. Он посмотрел на ассистента.

– Давай думать, – повернул он разговор в другое русло. – Я играю за версию суицида, ты – за убийство. Поехали! Я начинаю: на теле нет следов насилия. Окно не разбито: его открыли.

– Да, оно было открыто, когда я пришла сюда в прошлый раз, – уточнила Люба.

– Вот. Дверь не взломана, – продолжил детектив.

– Убийца мог столкнуть Михаила, если тот находился в непосредственной близости от окна. Эффект неожиданности, достаточно несильного толчка. Окно уже было открыто к тому моменту самим хозяином: всю неделю стоит прекрасная погода. В квартиру он пустил убийцу сам: должно быть, знакомый. Или представился слесарем. Или сумел сделать втихаря копию с ключей. Замок у Козырева простенький, дверь не бронированная.

– Ноль-ноль. Люба, вопрос к вам: давали ли вы кому-нибудь ключ от квартиры Михаила?

– Нет.

– Следы обыска, – произнес Игорь. – Убийца искал что-то маленькое и хорошо спрятанное. То есть вещь была не на виду, отчего Люба не может знать о ней. Но тот, кто искал, – тот знал, что она у Козырева есть!

– Или Михаил сам разбросал вещи, чтобы навести на мысль об обыске. Точнее, о насильственной смерти. Мы знаем от Любы, что, желая уйти из жизни, он все же позаботился о своих родителях, об их религиозных чувствах.

– Ноль-ноль, – признал Игорь.

– Тебе не кажется, что в обыске проглядывает какая-то методичность?

– Не соображу...

– Смотрите внимательно. Смотрите все. Что-нибудь кажется необычным?

– Мне – да, – произнесла Александра. – Если бы Михаил сам инсценировал обыск, то зачем бы он стал бить вазу, к примеру? Или высыпать на пол содержимое ящиков? Это не инсценировка, здесь явно что-то искали!

– Причем очень мелкое! – кивнул Игорь. – У меня вопрос к Любе. Вы сказали, что Михаил занимался группой трудных подростков-наркоманов...

– И потенциальных самоубийц, – добавила Люба и покраснела.

Детектив было насторожился ввиду ее румянца, но вовремя сообразил: Игорь шибко хорош собой, вот девушка и смутилась. Не стоит искать за этим двойное дно.

– Да, я помню... А сам Михаил наркотиками не баловался?

– Что вы, нет, конечно!

Люба покраснела еще отчаяннее, и на этот раз детектив насторожился всерьез. Он обменялся взглядами с Игорем, и ассистент едва заметно кивнул: мол, держу руку на пульсе.

– Излечиться от пристрастия к наркотикам нелегко... – снова заговорил Игорь. – Я знаю это не понаслышке, у меня близкий друг подсел на наркотики... Ломка – страшная вещь, хуже пытки. Михаил сочувствовал этим ребятам, правда ведь?

Люба осторожно кивнула, не понимая, куда клонит молодой человек.

– И он мог держать у себя дозу... На случай, если кому-то из них станет невмоготу?

– Не думаю... – еле слышно ответила девушка.

Краска отхлынула от ее лица. Теперь она казалась изможденной, несмотря на юный возраст. Игорь перевел победный взгляд на шефа.

– Один-ноль, – произнес он.

– Ладно. Сейчас отыграюсь. Люба, давайте представим такую сцену: кто-то из группы наркоманов пришел к Михаилу. Он своего подопечного впустил сам, что понятно. И вдруг этот подопечный стал требовать дозу, которую, как предположил мой ассистент, Михаил мог держать дома на всякий случай. Михаил согласился бы ее выдать страждущему?

– Я знаю наших ребят! Они все на стадии выздоровления, Миша других и не брал, он не лечил их от зависимости, он поддерживал их в стремлении завязать! Но даже если бы кто-то из них и сорвался, то не пришел бы к Мише. Ребята его боготворят. Вам этого не понять, боюсь... Но это так. Они бы нашли наркоту на стороне, как находили ее раньше!

– А если денег нет? Нечем платить... а у Михаила, они знают, парочка доз имеется на крайний случай...

Люба вдруг подобралась, будто для броска.

– Во-первых, ваше предположение, что Миша мог держать дома дозу, – это абсурд! – сверкнула она глазами в сторону Игоря. – Он ведь лечил их от наркозависимости! И не стал бы потакать их слабостям, потому что учил их быть сильными! Во-вторых, он бы никогда не уступил «требованию», как вы выразились!

Кажется, цвет лица Любы зависел не от симпатичного Игоря, а от подозрений в адрес Козырева, которые были для нее нестерпимы...

– Поэтому человек и столкнул его в окошко, – невозмутимо парировал Игорь. – А потом перевернул квартиру вверх дном в поисках той самой дозы!

– Но на теле Миши не обнаружили следов борьбы! А он бы сопротивлялся, если б на него напали!

– Один-один, – сообщил детектив.

– *Пока*, – возразил Игорь. – Пока следы не обнаружили, но синяки могут проступить и позже...

– Так и у нас *пока* лишь гипотезы... – откликнулся Алексей. – По теме факта обыска объявляю ничью. Переходим к цели обыска. Ты предположил, что искали дозу. Я, как договорились, выставляю версию, что ничего никто не искал, а обыск – это инсценировка самого Михаила. Почему он вазу разбил и ящики вывернул? Потому что перестарался! Не знал же он, в самом деле, как делается обыск, верно? Вот и решил изобразить его поубедительнее.

– Ну... допустим, – вынужден был признать подобную вероятность Игорь.

– Другие идеи есть?

– Если что-то и впрямь искали, то совсем маленькую вещь, – произнесла Александра, кивнув на компьютерный стол.

Три ящика, находившиеся в тумбочке слева от него, были выдернуты и перевернуты, как и остальные. Бумажки, канцелярская мелочь разлетелись в разные стороны. Алексей наклонился: чеки из магазинов, дисконтные карточки, визитки, клочки бумаги с чьими-то телефонами...

– Саша права, – сообщил он, распрямляясь. – Каждая бумажка лежит отдельно: их все пересмотрели, перебрали.

– Пакетик с наркотой как раз и есть маленькая вещь! – не сдавался Игорь.

– Записка, ювелирное украшение, ценная монета или марка, флешка, в конце концов, – это все тоже маленькое! – парировала Александра.

– А зачем такой тарарам устраивать, если искали флешку? Хватило бы и компьютерного стола! Все нормальные люди их возле компа держат! – не соглашался Игорь. – Шеф, а в другой комнате как?

– Так же. Народ, всё, мы игру в разные версии закончили. Давайте посмотрим, что у Михаила в компьютере интересного имеется... Люба, вы не в курсе?

– Я никогда за ним не работала. Но...

– Но?

– Миша вел аудиодневник. То есть не дневник, а... В общем, записывал на компьютерный магнитофон свои мысли. Я знаю, потому что он мне давал некоторые послушать...

– О чем там говорилось?

– Ничего такого, что может иметь отношение к его смерти... Миша описывал свое восприятие людей. Он считал, что люди постоянно играют роли... И нередко заигрываются. Он думал, что в этом ключ к разгадке стремления к самоубийству: люди входят в роль жертвы, а потом роль входит в них. И убивает.

– Роль входит в человека... Любопытно. Но ведь, по вашим словам, он и сам стремился к суициду. Значит ли это, что он тоже играл роль? И осознавал сей факт?

– Нет! Миша... Вам трудно понять... Это просто ангел, залетевший на Землю... Ему ничего не было нужно от людей. Он просто отдавал им себя, свою душу, добро, тепло, ничего не желая взамен! И он просто... Он устал. И ушел.

Слезы скопились в уголках ее глаз.

Но Алексей в ангелов, спустившихся на Землю, не верил.

Звук открываемой двери заставил всех замолчать. Прихожая была видна из большой комнаты, и в ней вспыхнул свет. Девушка с большим пакетом из супермаркета в руках застыла, увидев группу людей, в глазах ее появился страх.

– Кто вы? – крикнула она, отступая к входной двери. – Как вы сюда попали?!

Черные бриджи, белая рубашка с неброской вышивкой – лето в Париже еще не закончилось. Светло-каштановые волосы собраны на затылке, но выбиваются прядями то там, то сям, – «художественный беспорядок», он ей идет. Глаза карие, полукружьем, так дети рисуют заходящее солнце, со стрелами лучей-ресниц; темные бархатистые бровки домиком, отчего взгляд ее кажется немного удивленным, наивным. При этом нездоровый цвет лица – кожа бледная, даже землистая, – отметила Александра, как если бы девушка провела бессонные ночи или болела... Или страдала.

– Не волнуйтесь, пожалуйста, – Алексей шагнул в ее направлении. – Мы...

– Стойте на месте! – Она бросила пакет на пол, в нем что-то тяжелое грохнуло, и схватилась за ручку двери, готовая убежать.

– Я детектив, частный, – проговорил Алексей, разведя руки немного в стороны, чтобы девушка могла убедиться, что он не вооружен, что не бандит. – Это моя жена... – Алексей жестом подозвал Александру: присутствие женщины обычно успокаивает.

Александра подошла поближе и улыбнулась незнакомке.

– Это мой ассистент, – продолжал детектив, указывая на Игоря, – и... и Люба.

– Что вы здесь делаете?!

– А вы? – любезно поинтересовался Алексей.

– Я... Мне в полиции дали ключи от квартиры Миши... Я его сестра.

– Какая еще сестра? – тихо воскликнула Люба, посмотрев на детектива. – У Миши не было... Он никогда не говорил мне о сестре!

Алексей тронул ее за руку и шепнул: «Разберемся. Потом». А сам подумал, что уже видел эту девушку: на фотографии, где Михаил ее обнимал.

– И зовут вас?..

– Катерина. Катя.

– Раз вы только из полиции, то вам известно, что случилось... Наши соболезнования, Катя. А мы здесь, чтобы разобраться в причинах смерти Михаила. Извините нас за вторжение, мы не знали, что вы приехали из... из Парижа, как я понимаю.

– Сегодня утром прилетела... Поставила чемодан и пошла в магазин за продуктами, – хотела поесть, прежде чем взяться за уборку... А тут – сюрприз, – хмуро посмотрела она на незваных гостей. – Почему вы пытаетесь «разобраться в причинах», если делом занимается полиция? Они уже знают, кто убил моего брата! Мне сказали, что его арест – это вопрос двух-трех дней, как только закончат сбор всех улики!

– И кто же это? – с вызовом спросила Люба.

– Не помню его имя. Кто-то из сумасшедших, которыми занимался Миша.

– Олег не сумасшедший! Он отличный парень! И не убивал Михаила! – воскликнула Люба.

– А вам откуда известно? – прищурилась Катя.

– Вы проголодались с дороги... – встал между ними Игорь с одной из тех своих коронных улыбок, от которых у девушек обычно подгибались коленки. – Вы поешьте, Катя, мы не будем вам мешать. Только еще немного посмотрим и уйдем. А хотите, я вам чай приготовлю?

– Я не знаю, где тут у брата чайник...

– Я вам покажу, – хмуро откликнулась Люба и прошла на кухню. Все потянулись за ней, чувствуя себя довольно неловко. – Вон, возле микроволновки, электрический.

– А вы здесь часто с Мишей... у брата часто бывали? – Катя посмотрела на Любу.

– Часто.

– Вы с моим братом... У вас с ним... – нелюбезный вид Любы сбивал ее с толку.

По всей видимости, подумала Александра, Кате сейчас хотелось найти человека, близкого брату. Если б Люба оказалась его девушкой, она наверняка обняла бы ее и плакала с ней вместе.

– Я староста группы самоубийц. По группе наркоманов тоже помогала, – сухо ответила та.

Игорь быстро сориентировался, наполнил чайник водой и включил его. Катя принялась разбирать свой пакет с покупками, растерянно и расстроено поглядывая на присутствующих.

– Может, чай все хотят? – спросила она не слишком приветливо.

– Не думаю, что вы планировали угощать такую ораву, – улыбнулась ей Александра.

– К тому же мы не голодны, – поддакнул Алексей.

– А я и не предлагала вас кормить, – пожала плечами Катя. – Я чаю предложила. Баранками еще поделиться могу.

– А давайте, правда, выпьем чаю вместе? – воскликнул Игорь, поглядывая на шефа. – Заодно и поговорим!

Ну да, за чайком разговор резвее идет, старое правило, оценил Кисанов.

Как выяснилось в ходе вполне непринужденной беседы, Катя получила грант на летнюю школу в Академии изящных искусств в Париже и отсутствовала в России уже два месяца. Живет она в Петербурге, с братом видится редко. Полиция и не подумала разыскать ее за границей, и Катя бы даже не узнала о смерти брата, если бы не...

У Кати покраснели глаза, и она запнулась.

– Вам сообщили родители? – участливо спросила Александра. – Они прилетели из Новосибирска?

– Нет, наши родители умерли. Давно уже. А жили они в Питере, петербуржцы в шестом колене. Где, собственно, и мы с Мишей родились... Откуда взялся Новосибирск?

Люба почти уронила чашку. Та звонко стукнулась о блюдо.

– Ваши родители... умерли?

– Одиннадцать лет назад. Автокатастрофа. А теперь вот... и Миша...

Катя опустила голову, пряча слезы. Александра молча приобняла девушку.

– Но позвольте... Не может такого быть! – Люба вскочила. – Миша говорил, что не имеет права покончить с собой, потому что родители у него верующие и не простят ему такого жеста!

– *Покончить с собой?* – раскрыла глаза Катя. – Вы о чем? Миша хотел... покончить?.. Не может этого быть! Он любил жизнь! Он веселый, добрый, всем помогал! Он не мог!!!

Люба рухнула на стул, прикрыла лицо руками.

– Это неправда, – глухо бормотала она под прикрытием своих ладоней, – этого не может быть! Вы его просто не знали, брата своего!!! Да и вообще, брат ли он вам?!

– О чем она? – Катя вскинула глаза на остальных.

– Минуточку, – встал Алексей.

Глазами он показал Александре: выйдем.

Оказавшись за пределами кухни, он приобнял Сашу, приблизив губы к ее уху.

– Тут нестыковка...

– Да уж.

– Скажи свое мнение: их развести и поговорить по отдельности? Или дожимать каждую в присутствии остальных? Ведь нестыковка означает ложь. Чья?

– Я за публичную экзекуцию, – усмехнулась Александра. – Одной из них лгать будет труднее, а мы все сумеем за ними понаблюдать. Хотя есть вариант, что не лжет никто из них. А ложь выдал Михаил.

Детектив благодарно чмокнул жену в щеку: ее чутье не раз служило ему ориентиром в сложных делах. Перед тем как вернуться на кухню, он зашел в большую комнату и взял фотографию Кати.

– Простите великодушно, – Алексей с оживленным видом уселся на свое место. – Ситуация возникла странная, все согласны, а? Информация не стыкуется, стало быть, какая-то из них неверна. Давайте начнем с простого: это вы на фото, Катя?

– А что, не видно?

– Люба, вы эту фотографию не раз видели у Михаила, верно?

– Я не рассматривала, – буркнула та.

– Да? А она часто рассматривала вас.

– Это как?

– Шутка. Вы не могли ее не видеть. И теперь перед вами оригинал.

– А почему я должна верить, что она сестра?!

– Ключи...

– У меня тоже есть ключи, – перебила его Люба, – я же не говорю, что сестра!

– Мне в полиции дали! А вам?

– Позвольте посмотреть ваши паспорта, девушки, – вмешался детектив.

Катя протянула свой паспорт первой. Фамилия – Козырева, как и у Михаила. Прописка в Петербурге.

– Вы не меняли фамилию? Вы не замужем?

– Дважды нет.

Паспорт Любы. Она действительно Любовь, что уже неплохо. Любовь Коржик, прописана в Москве, в Кунцево. Ладно, посмотрим, как дальше дело пойдет. В случае надобности пробьем по базе данных, – решил Алексей.

– Теперь, милые девушки, будете говорить по очереди. Сначала вопросы к Кате. Первый: вы находились в Париже. А постоянное место жительства – Петербург. Вы с братом общались все это время? И если да, то как?

– Довольно регулярно, по скайпу... Хотя не очень часто, если честно. Миша давно уехал в Москву. И так был занят своими подопечными, что на меня времени не оставалось.

– У вас это вызывает горечь? Или, может, ярость? – детектив привычно прошупывал почву. Мало ли, вдруг девица прилетела тайком, брата убила и обратно в Париж умотала.

Катя качнула головой, удивляясь вопросам.

– Да нет, вовсе нет. Я сама уговаривала его оставить меня в покое... С тех пор как погибли наши родители, он меня опекал, пока я еще была подростком. Но в семнадцать лет я с ним крупно поссорилась: заявила, что я уже большая, что у меня своя жизнь...

– Брат смирился?

– Мы ссорились целый год. Он дождался моего совершеннолетия и уехал в Москву, оставив меня под присмотром нашей двоюродной тети, – та была рада, она одинокая женщина. Перед его отъездом мы помирились. Мы долго говорили... Тетка тоже участвовала в беседе, причем на моей стороне. И Миша сдался. Оставил меня в покое. «У каждого свой путь, – сказал он. – Выбирается этот путь интуитивно, хотя не всегда верно: ведь интуиция не научная дисциплина, результат не просчитать... Я просто надеюсь, Катя, что твоя тебя не подвела. Тетя Вера, вы с ней построже, ладно? Она совсем еще ребенок, хоть и упрямый!»

Тетя Вера обещала, Миша уехал в Москву и стал заниматься психиатрией. Это его специальность. Я, мои дела, моя жизнь потихоньку выбыли из сферы его внимания: Миша помогал *неблагополучным*, а я была благополучная... Но мы всегда очень любили друг друга. Даже когда стали редко общаться. Любовь ведь не от частоты общения зависит... если вы меня понимаете.

– Да, конечно, – поддержала девушку Александра. – Частота общения важна для влюбленных, – это такой вид любви, который требует физиологического контакта: видеть, слышать, обонять, осязать... Но любовь другого рода – к родным, к друзьям – действительно не зависит от частоты встреч, в этом я с вами согласна.

Катя подняла на нее глаза.

– Смешно, правда? Все называется одним и тем же словом... А чувства совсем разные! Почему так беден наш словарь?

– Если это может вас утешить, Катя, в данном плане словарь беден не только в русском. Вы, наверное, знаете: во французском существует тридцать с лишним синонимов, включая арго, для обозначения полового акта. Но к слову «любить» синонимов нет. Точнее, есть, но уже с другим смыслом: обожать, нравиться... Можно сказать «люблю фуа-гра», можно сказать «люблю маму», можно сказать «люблю тебя». Так же обстоит дело в английском, итальянском, испанском, немецком... Люба, вам Миша не говорил о том, что у него есть сестра, мы правильно вас поняли? И вы не знали, кто девушка на этой фотографии?

– Правильно, – процедила Люба. – Я не спрашивала.

По всей видимости, она чувствовала себя обманутой, а подобное никогда не радует.

– При этом он рассказывал вам о родителях, которые не простят ему суицида...

– Именно так, – зло щурила глаза Люба, разглядывая Катю, как лютого врага.

– Я, мы все вам верим. Однако выходит, что Миша сказал неправду вам, Люба, – продолжила Александра.

– А если она самозванка? Просто однофамилица? Козырев – фамилия распространенная!

– Да наберите тетю Веру! – рассердилась Катя. – Вот ее номер... – Она пощелкала своим мобильным. – Вот он, набирайте! Спросите ее, кто кем кому приходится в нашей семье! *Самозванка!* Надо же такое выдумать! Может, вы сами – самозванка?!

– Насчет меня, – запальчиво проговорила Люба, – вот вам три десятка номеров, по которым вам подтвердят, что я была правой рукой Миши! Что мы с ним часто советовались, вместе искали пути, как достучаться до ребят... И находили! И спасали! Вы тут, со своими художествами, что вы знали о брате?! Как ему живется, чем он мучается?! Да ничего вы не знали!

Свои худосочные проблемки ему, небось, сливали, он же сильный, он утешит, погладит по головке, утрет слезки... А знали ли вы, сестра, как растрачивал себя Миша на потерянных людей? Как он отдавал им свою энергию, добро, тепло? Скольких людей, стоящих на грани смерти – **смерти**, слышите! – он спас?! И меня в их числе!!! – В ее голосе звенели злые слезы.

Зависла тишина.

Первой пришла в себя Катя.

– Пожалуйста, извините... Но покиньте квартиру. Мне и без вас тяжело. Уходите. Все.

Люба с готовностью вскочила и направилась к дверям.

– Катя, будьте снисходительны... – проговорила Александра. – Люба потеряла очень близкого друга... Может, единственного.

– А я потеряла единственного брата! Кто больше? Посоревнуемся в размерах скорби, а?!

Александра переглянулась с мужем. Девушки сорвались, и вряд ли сейчас удастся узнать у них что-то существенное...

– Пойду догоню Любу, – шепнула она. – Ей сейчас нужна поддержка, мне кажется.

– Сестре тоже.

– Но нас выставили за дверь, если ты не забыл...

Александра ушла. Вслед за ней и детектив с ассистентом покинули квартиру. Если у Алексея еще и оставались вопросы, то сейчас явно не время их задавать.

Вернулись они на Смоленку вдвоем с Игорем – строптивая Люба убыла куда-то восвояси, Александра вслед за ней – и расположились в кабинете Алексея.

– Кис, я вот что думаю... – начал Игорь.

«Кис» – детских еще времен кликуха, смешная, «прикольная», она прочно прицепилась к Алексею и передавалась по эстафете от старых друзей к новым. Так и к Игорю попала, а тот с удовольствием подхватил, с благосклонного позволения шефа. Право называть шефа по кликухе было чем-то сродни поганам: до этого надо было дослужиться. И Игорь дослужился.

– ...думаю, что Михаил намеренно ввел в заблуждение Любу.

– Зачем?

– Да это же ясно, он вовсе не собирался покончить с собой! Но говорил об этом своим подопечным, типа к народу поближе быть... «Мы одной крови» – это помогает. Никто в ответ не скажет: ты нас не понимаешь, потому что никогда не был на нашем месте! Потому Михаил выдумал благочестивых верующих родителей для поддержания своей э-э-э... легенды.

– А почему он не рассказывал о сестре, на твой взгляд?

– Это разрушало его образ, образ человека, жаждущего уйти из жизни. Одинокого и только ради веры родителей не решающегося на последний шаг.

– Да, пожалуй. Утром Саша мне рассказывала: прочитав блог Михаила, она усомнилась в его искренности. Написала ему, что он позер, что играет роль...

– И что?

– Он ей объяснил, что блог этот служил ему для работы. Представившись самоубийцей, Михаил собирал все аргументы, которые только могли дать ему люди. Для того, чтобы использовать их в своей работе с суицидниками!

– Надо же, признался едва знакомой журналистке, а Любе врал.

– Саша – посторонний ему человек. А Люба – староста группы. Михаил выдерживал единство своей версии. И не настолько ей доверял, чтобы рассказать правду.

– Так мы теперь свободны, Кис? Люба получила ответ на свой вопрос. Хоть и явно рассчитывала, что он будет иным... Но нет у Козырева верующих родителей, что полностью меняет картину. Придется ей смириться с версией убийства.

– В принципе, да... Но мне, если честно, стало любопытно, что же случилось с этим Михаилом на самом деле.

– Как твой ассистент и по совместительству главбух, я должен тебе грубо намекнуть, что с начала месяца ты заработал всего...

– Знаю я, сколько заработал! – буркнул Алексей. – Но был всего лишь один клиент. Начало сентября, люди возвращаются из отпусков, и волнуют их сейчас только школьные дела отпрысков. К концу месяца жизнь войдет в обычное русло и обязательно появятся новые клиенты. А пока я свободен! Могу себе позволить поломать голову в свое удовольствие.

– Но если появится клиент – настоящий, который платит, – ты тогда бросишь это дело?

– Тогда будет видно, – уклончиво ответил детектив, пряча улыбку: Игорь в роли «главбуха» его забавлял. – А пока ты со мной? Или тебя отпустить?

– Ну, я тоже хочу поиграть в головоломку.

– Тогда пошли на кухню. Сварганим кофейку, ударим по бутербродику и обсудим мизансцену.

Алексей сделал две чашки эспresso, Игорь соорудил два бутерброда – черный хлеб, смазанный оливковым маслом, и холодная телятина, запеченная с чесноком (Игорь же и запек, поваром он был отменным), и мужчины уселись за столик.

– Итак, мизансцена. Она состоит из двух частей: обыск и падение из окна. Важно понять, что было сначала. Обыск вряд ли производился в присутствии Михаила: он бы мешал, его бы связали, если не хотели убивать, или убили бы сразу.

– Значит, его сначала выбросили в окошко, а потом занялись обыском.

– Сомневаюсь. Падение тела привлекло к себе внимание, соседи сразу поняли, к какой квартире относится окно. Люди могли туда кинуться, не дожидаясь полиции, а в такой ситуации тщательно перебирать и рассматривать вещи затруднительно. Думаю, кто-то проник к Михаилу в его отсутствие, но хозяин неожиданно вернулся и застал разгром. Попытка объясниться с незваным гостем закончилась для него трагически...

– Между прочим, у Любы есть ключи! Дверь не взломана! А толкнуть в окно – для этого не так уж много физической силы нужно. Если человек не ожидает подвоха, то легко потеряет равновесие!

– И она пришла просить у нас помощи?

– Просила-то она доказать, что это **суицид**!

– Не думаю, Игорь. Очень рискованно с ее стороны. Мы ведь можем, вопреки ее ожиданиям, доказать, что это убийство. К тому же у полиции есть подозреваемый. Если она убила Мишу, то почему бы ей не сидеть тихо, предоставив полиции делать свое дело?

– Ладно, ты прав. А жаль, так стройненько складывается!

– Мы еще не знаем, каким образом Михаил выпал. Толкнули? Сам потерял равновесие? Был ли он навеселе? Я найду подходы к судмедэксперту района, узнаю детали. Кроме того, надо познакомиться с подопечными Козырева, – твоя идея с дозой вполне правдоподобна, хоть Люба ее категорически отрицает... Давай посмотрим на них поближе. Возможно, у полиции все же есть основания подозревать их? Ну и компьютер Михаила. Как только Катя позволит, мы должны вернуться в квартиру и изучить его файлы.

Есть расхотелось, но Катя все еще сидела за столиком на кухне, бездумно отправляя в рот крошки от сломанной баранки, хотя три ее обломка лежали тут же, на блюде. Чай в чашке постепенно остывал, подергиваясь пленкой.

Вот так, теперь совсем одна... И надо же, чтоб так совпало: разрыв с Арно и сообщение о смерти брата в один день... Еще совсем недавно ей казалось, что в ее жизнь пришло новое счастье, – мощный и яркий поворот в судьбе, в душе. Она верила, что Арно подарил ей себя, что этот человек стал родным. Рано потеряв родителей, Катя мечтала о большой счастливой семье, чтоб не меньше трех детей, лучше четырех, чтобы у нее и у всех них стало много *родных*! А судьба взяла и отняла последних... Ладно бы только Арно, как бы Катя ни страдала

от разрыва, она понимала, что любовь его оказалась иллюзией, что все равно не суждено. Но брата-то за какие грехи у нее отняли? Сначала папу с мамой, а теперь и Мишу?! Чем она перед богами провинилась, что с ней так жестоко обошлись?! Одна, одна на всей планете, – знаете ли вы, боги, как это страшно? Как непосильно абсолютное одиночество?

Она вздрогнула от этих мыслей. А может, от холода. Хватит, надо прекратить растравлять раны. Мама с детства ей говорила: «Боль подобна ребенку. Будешь ее лелеять – она вырастет».

Катя заставила себя встать, но на некоторое время замерла у кухонного столика, не понимая, что ей делать. И надо ли что-то делать...

Да надо, вообще-то. Прибрать квартиру, к примеру.

Она вошла в большую комнату, постояла посреди хаоса, пытаясь прикинуть, с чего начать... И направилась в спальню. Легла на кровать брата, натянула одеяло до ушей.

Оно пахло Мишей. Детством. Счастьем.

Скомкав одеяло, Катя прижала его к лицу, вдыхая запах, и завывала, как брошенная собака.

Александра догнала Любу уже на улице и молча зашагала с нею рядом в сторону метро. Девушка пару раз косилась на свою нежданную спутницу, но ничего не сказала.

Наконец, уже у входа в подземку, Люба развернулась, встав к Александре лицом.

– Вы этой Кате верите?

– А как же иначе, Люба? Полиция не дала бы ключи постороннему человеку, они наверняка по своей базе данных проверили.

– Выходит, Миша меня обманывал?! Я не могу в это поверить, понимаете, не могу!

Александра помолчала, затем приобняла Любу.

– А пойдемте в кафе? Посидим, поговорим... Я приглашаю.

Они доехали до Тверской, а там, на Пушкинской площади, зашли в первое попавшееся заведение по левую сторону от кинотеатра. Сделали заказ.

– Как вы оказались в группе у Михаила? – спросила Александра, понимая, что девушке необходимо выговориться, и лучше всего начать ab ovo, то есть с самого начала.

Люба вскинула на нее несчастные глаза и, потерзав салфетку, принялась рассказывать.

...Любе повезло в одном, зато по-крупному: ее мать, Анна Семеновна, работала нянечкой в детском саду, отстроенном посреди приличных кооперативных домов. В микрорайоне уже планировалась точечная застройка новых башен бизнес-класса, что неизбежно повысило бы его рейтинг. Заведующая детским садом была дамой дальновидной, с врожденной деловой жилкой, и репутацию своего заведения не только берегла, но и всячески старалась приумножить ввиду грядущего спроса состоятельных родителей. Посему требования ее к персоналу были высокими; она не пошла на поводу у времени, в которое детские сады закрывались, а в оставшиеся брали кого ни попадя.

Анна Семеновна была трудягой, работала быстро и чисто, что заведующая высоко ценила: найти хороший технический персонал крайне трудно. И дочку ее (от неизвестного отца) взяла в садик бесплатно, чуть только девочка научилась ходить. Не положено по правилам, зато Анна Семеновна могла спокойно работать, нередко на две группы, случалось, и на три – текучка нянечек была высокой. Недоношенный и рахитичный ребенок, Люба никогда бы не получила такого питания и ухода, как там. И, скорее всего, попросту не выжила бы: мать работала много, а зарабатывала мало, и не смогла бы обеспечить ребенку надлежащий уход.

Однако у этого везения вскоре обнаружилась другая сторона медали: дети усвоили, что Люба слабенькая и... бедная. Да, эти дети из первых дорогих новостроек уже в три-четыре года отлично осознавали имущественное неравенство и уже, подражая родителям, презирали тех, у кого нет модных вещей и игрушек.

Наверное, к ней точно так же отнеслись бы и в районном детсадишке, а может, даже хуже, потому что в этом, элитном, у детей были лучшие воспитатели и худо-бедно прививались хорошие манеры, тогда как в районном такого ребенка не только презирали бы, но еще и били. Однако Люба была уверена, что дело в имущественном неравенстве, и с детства ненавидела богатых.

Эту классовую ненависть она носила в своем сердце всю раннюю юность, умело пряча ее, – защитная реакция слабых и отверженных. В школе ее не любили. «Тощая, некрасивая, замкнутая – портрет не нуждается в комментариях, а?» – криво усмехнулась Люба.

Тяжелая работа... да что там «тяжелая» – попросту на износ! – постепенно подкашивала здоровье Анны Семеновны. Боль в пояснице, в коленях, то не согнешься, то не ступишь. А физический труд снисхождения не знал.

«Надо тебе, доча, начинать подрабатывать самой. Я уже не могу, как раньше...»

И Люба стала иногда подменять мать у частных клиентов, к которым Анна Семеновна ходила убирать несколько раз в неделю после работы в детском саду. За последние годы штат нянечек стал укомплектован, ей больше не приходилось работать в нескольких группах, время высвободилось, и Анна Семеновна принялась подрабатывать в частном порядке.

Любе было стыдно и неловко заниматься грязной работой – мать-то давно привыкла, для нее это стало нормой, чужую грязь подтирать, – а Любе претило. Да и время такое пошло, что девицы больше собой занимались, модными шмотками и прибабасами, и все на родительские деньги...

Но не хватало Любе родительских денег. Тем более что мать уже не могла, как раньше, по двенадцать часов в день вкалывать.

В общем, не хотелось, да пришлось. Навыки-то у нее были, – в вечное материнское отсутствие дом вела она и тоже оказалась чистюлей, как мать, делала все быстро и ловко. В первой семье к ней отнеслись приветливо, без снобизма, что Любу немного приободрило. Постепенно она переняла всех частных клиентов матери, и, несмотря на осадок, который вызывала в ее душе черная работа, и откровенно хамское отношение некоторых нанимателей, она немножко воспрянула духом: деньги шли, клиенты ею дорожили, даже чуть прибавили жалованье. А потом стали ее рекомендовать друзьям. Время на учебу у Любы резко уменьшилось, зато доходы увеличились. Возможность купить вещи, которые раньше ей были не по карману, в изрядной степени компенсировала ее душевный дискомфорт.

И однажды случилось с Любой чудо. Сказка случилась.

Появилась новая клиентка, наслышанная о замечательной домработнице.

«Приходите сразу после уроков, ладно? Пока мужа нет дома. А то он не любит, чтобы у него под ногами крутились».

Мило. словно Люба – волчок неодушевленный! Но делать нечего. Сжав зубы, Люба пообещала. И пришла на следующий же день, сразу после школы.

«Нина?!»

От изумления и неловкости у Любы слезы выступили на глазах. В дверях стояла первая красавица ее класса, предмет обожания всех мальчишек и учителей, Ниночка. Как выяснилось потом, это ее мать наняла Любу...

Первым порывом было – сбежать. Но поздно: Ниночка уже поняла, кто и зачем к ним в дом пришел, и улыбалась во весь свой большой яркий рот.

«Мама, наша новая домработница! Иди сюда!»

Люба гордо вскинула голову и вошла в квартиру. Она ожидала самого худшего – презрения, насмешек и, что страшнее, назавтра издевательств всего класса.

Однако Ниночка никому не растрепала. Более того, она три часа, что длилась уборка, ходила за Любой, восхищаясь тем, как ловко она все делает. А после предложила чаю. И Люба,

которая не только не смела надеяться на внимание Ниночки, а даже и смотреть на нее не смела, – Люба вдруг почувствовала себя уютно на их большой кухне. Ниночка участливо расспрашивала Любу, отчего ей, бедняжке, приходится такой тяжелой работой зарабатывать на жизнь, а на следующий день неожиданно взяла ее под свою опеку. Пожалела, видимо, добрая душа. Или просто захотела приручить эту маленькую недобрую собачонку? Ниночка слишком привыкла, что все ее обожают, и Любино молчаливое осуждение (автоматом по отношению ко всем «богатым») вызывало у нее недоумение и чувство дискомфорта.

Этого уже никто не узнает, потому что Ниночка через полгода после окончания школы умерла от передозировки кокаина. Но до этого успела посадить на наркотики Любу, которую таскала с собой во все элитные клубы.

Денег на кокаин у Любы не было – уборкой квартир на столь дорогое «развлечение» не заработать, а щедрой Ниночки, всюду платившей за подружку, не стало. Она перешла на более дешевый «крокодил» (так в народе называют дезоморфин, кустарно приготовленный опиат), но и на него деньги требовались немалые. И принялась Люба, как водится, красть. Милиция, побои, скандалы с матерью...

Но настал день, когда Люба поняла: так дальше жить нельзя, надо завязывать. Денег на лечение у них не было, и Люба попросила мать запереть ее в квартире на неделю. Они даже новый замок купили, такой, который открывается изнутри только ключом, а ключ мать уносила с собой... Четыре дня Анна Семеновна стойко выносила дикие крики и даже драки за ключ – к счастью для нее, дочь в состоянии ломки не могла причинить ей вреда, – а на пятый Люба перерезала себе вены.

После этого началась другая сказка, а принцем в ней стал Михаил Козырев. О нем от кого-то услышала Анна Семеновна: есть такой психиатр, который бесплатно помогает наркоманам, точнее, бывшим, которые уже завязали, – чтобы вновь не сорвались. Но Анна Семеновна сочла, что Любу можно причислить к этой категории: с учетом больницы, куда дочь попала после попытки суицида, уже выходило три недели, как она не употребляла наркоту.

Миша в первый же день, в первое же мгновение отнесся к ней, как к другу. От него исходила невероятная доброжелательность – настоящая, не наигранная, Люба чувствовала это всем своим бедным сердцем, истосковавшимся по человеческому теплу. Вскоре группа стала ее домом, а Миша – ее богом. Все свободное время она стала проводить с ним, помогая, как и чем могла. Очень быстро ее энтузиазм был оценен по достоинству, и Козырев приблизил Любу к себе, сделав ее старостой группы самоубийц и своей помощницей...

Миша, Миша, Миша – это имя звучало в каждом предложении девушки. Миша добрый, Миша ей многое давал, Миша много сделал для нее... В общем, Миша – это рог изобилия, только не материального, а душевного. Понятно, что Люба так привязалась к нему...

Присосалась, вдруг подумала Александра. Род вампиризма. Поэтому для нее так страшна потеря Миши – потеря донора, бесконечно щедрого.

– А тут является эта *сестра*, – с презрением выговорила Люба, – и заявляет, что Миша мне лгал! Но он не мог, понимаете?! Не мог мне лгать! Я ведь только им дышала!

Она заплакала, уронив голову на сложенные на столе руки. Александра молчала – не знала, что сказать.

Люба, наконец, утерла слезы. Подняла лицо, взглянула на Александру. Та все еще мучилась в поисках уместного слова утешения...

– Мне не нравится, как вы на меня смотрите! – неожиданно выпалила девушка.

Александра опешила. Любу она жалела, хотя симпатии к ней не испытывала. За что даже мысленно упрекнула себя: ведь девушка не виновата, что такой нескладехой уродилась... Но эта фраза Любы мгновенно рассеяла угрызения совести. Хорошее отношение к себе надо

заслужить, а не требовать его от окружающих! Помог ли ей Михаил Козырев, это еще вопрос, а вот разбаловал ее точно.

– А **должно** нравиться? – холодно спросила она.

– Вы о чем? – хмуро поинтересовалась Люба.

– О моем взгляде. Вы считаете, что он **должен** быть таким, чтобы вам понравиться? Я **должна** вам угодить, с вашей точки зрения?

– Нет... Не знаю... Но мне не нравится ваше сочувствие!

– Что, «жалость унижает»? Или вам именно **мое** сочувствие неприятно?

– Ваше! Я знаю таких, посочувствовали и забыли!

Ну, не прелесть ли?

– А как надо, Люба? Посочувствовать и?..

– Миша имел право на жалость, потому что он мне, нам всем помогал! А вы – вы просто смотрите! И думаете: вот бедняжка...

– Это плохо? Или вы не «бедняжка»? И мое сочувствие растрчено впустую?

– Впустую, потому что таким взглядом люди смотрят и проходят мимо! Оно показное, ваше сочувствие!

– А почему вы считаете, что все должны вам помогать? Должна вам была только ваша мать – потому что на нашей планете так сложилось, что детенышей растят их родители. Иначе они не выживают. У остальных нет никаких обязательств перед вами. Только вопрос их доброй воли.

– Вам хорошо говорить! Красивая, богатая, все тип-топ. Муженек, детки. А у меня? Посмотрите на меня, кому я нужна?

– Но это не моя вина, Люба. Да, не повезло, вы родились не с самой выгодной внешностью...

– «Не с самой выгодной»! Какой эфе... эфме... эвфемизм!

– А главное, что мешает вам быть кому-то нужной, – это скверный характер. Вы завистливы и агрессивны. Неужели Михаил вам никогда этого не говорил? Вы **требуете** того, что люди согласны отдавать только по своей доброй воле. И потому никогда не получите.

– Миша давал, потому что он добрый. А вы – вы холодная эгоистка!

Приехали. Без сомнения, Михаил слишком много с ней нянчился. Успокоил, «накормил» ее комплексы, но не избавил от них. И теперь она подсознательно ждала, надеялась, что придет новый «кормитель»? Впрочем, Михаил вытащил ее из наркотиков, что уже невероятно много. И от новых суицидальных попыток спас.

Хотя... Люба перерезала себе вены дома, – знала, небось, что мать придет и спасет ее? Спектакль был для родительницы поставлен: вот, смотри, как ты со мной жестоко поступила!

Стоп, сказала себе Саша. Я не имею права так думать. Ведь все могло быть иначе... Затуманенный мозг вряд ли бы справился с расчетом. И, в конце концов, попытка суицида – пусть даже в расчете на спасение – это всегда крик о помощи! Нельзя Любу за это осуждать...

Но она осуждала. Ничего не могла с собой поделать. Да еще этот ее выпад... Ишь ты, все ей должны! С какой стати?!

– Миша хотел – и опекал вас, – холодно ответила Александра. – Не был должен, сам хотел. Пожалуй, я соглашусь с вами, что он ангел. Я – нет. У меня вы не вызываете подобного желания.

– Ну и катитесь к... к чертовой матери!

– Передам ей ваш родственный привет, – надменно кивнула Александра и поднялась.

Она расплатилась за заказанные блюда у барной стойки и направилась к выходу из кафе, ни разу на Любу не оглянувшись. В холле висело большое зеркало, и она вопросительноглянула на свое отражение. Да, она красива. Это не ее заслуга, это природа постаралась. Но остальное – ее успех, ее... не богатство, конечно, просто приличные заработки – результат труда и

таланта. Хотя талант тоже от природы... Хорошо, остается труд. Она много труда вложила в свое образование, в творчество, в любимую работу, но не только. Труд вложен в ее женское обаяние, умение одеваться, держаться, общаться. Всему этому Саша училась сама и усердно! Она выросла в семье ученых-физиков, где вещи не имели никакой ценности – и где, соответственно, понятие вкуса было на зачаточном уровне. До всего доходила самостоятельно, наблюдая, читая, сравнивая и делая выводы. И кто мешает Любе сделать то же самое? Да, девушка не вышла ни лицом, ни телом, но сколько некрасивых мужчин и женщин пользуются успехом благодаря своему обаянию и уму! А это можно развивать, над этим можно и нужно работать! А не ныть, жалеть себя и требовать подачек от других!

Она гневно захлопнула дверь кафе и зашагала к метро, жалея, что не взяла свою машину, поехала с утра на Алешиную. Такие, как эта Люба, сначала требуют помощи, а потом, когда не получают, начинают отбирать силой! Такие вот люди устраивают революции, отнимают чужие жизни и имущество; такие насилуют женщин, которые их не любят; такие ставят подножки в карьере и вообще гадят, где могут, тем, кто хоть чем-то лучше их!

«Работа над собой невозможна без самоанализа», – вспомнила она слова Михаила. «И что же ты не научил девчонку его основам, умник?» – с досадой подумала она.

«Но способность к самоанализу заложена в генах. Нельзя требовать от людей способности к самосовершенствованию, как нельзя требовать от них быть умными. Есть компьютерные программы, предназначенные только выполнять заложенные в них возможности, – а есть саморазвивающиеся. Последние способны анализировать новые запросы и адаптироваться к ним. Наши гены – это программы, написанные Природой. Человек – его мышление, поведение, эмоции – всего лишь результат этих таинственных писем. Воспитание может его обтесать, но не может его изменить. И если человек родился глупым, то никакое образование не сделает его умным. Выйдет лишь ученый дурак...» – вспомнила Александра другие слова Михаила из их переписки. – *Поэтому личность, в генном коде которой нет саморазвивающейся программы (т. е. способности к самосовершенствованию), не в состоянии адаптироваться к требованиям общества, что может привести ее к суициду...*»

Александра не знала, что на это возразить, но фатализм Козырева вызывал у нее протест.

«Не надо пытаться сделать людей более совершенными – это бесполезно. Надо их просто научить любить себя такими, как есть. И они станут счастливыми.»

А Люба вот не стала... Между прочим, умение принять себя – это тоже работа над собой, Миша! Это тоже самосовершенствование. Только направленное не на улучшение своих качеств, а на примирение со своими недостатками. И чем же этот путь предпочтительнее, а, Микаэль?

И вдруг она поняла: примирение с собой быстро ставит точку, тогда как самосовершенствование не знает предела. В первом случае – скорый отдых, гармония с собой; во втором – бесконечный путь, где за каждым поворотом тебя поджидают новые высоты для взятия...

Ее гнев постепенно остывал. Александра по характеру была отходчива, а по своей жизненной философии... Может, «философия» – это слишком громко сказано, она была человеком думающим, но на статус великого мыслителя не претендовала. Ее отношение к разным явлениям в жизни и в себе самой сформировалось как плод знаний, размышлений, анализа и... пожалуй, влияния Алеши. Ранняя ее молодость была не слишком радужной: красивая и дерзкая, она всегда привлекала к себе тот тип мужчин, которым почему-то хотелось ее обломать, унижить, подчинить себе. В силу чего ее представление о противоположном поле сформировалось, мягко говоря, нелестным. Она и не заметила, как стала превращаться в стерву, а взгляд ее на мир сделался циничным. И так было до тех пор, пока она не встретила Алешу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.